

ной литературе (эта работа уже имеет традицию в отечественной ономастике).

В Заключении (с. 99—102) автор суммирует свои наблюдения над развитием ономастической лексикографии, в частности, прогнозирует дальнейшее лексикографирование отдельных классов собственных имен. В первую очередь, по мнению В. Э. Сталтмане, будут лексикографированы те виды онимов, которые нуждаются в орфологической кодификации. Уже созданы словари сокращенных слов, включающие большое количество эргонимов (названий предприятий, учреждений, обществ, союзов и т. п.). Начались исследования космонимов, названий пароходов, органов периодической печати, генонимов и других разновидностей онимов. Одновременно выявляются и потенциальные источники материалов, составляющих базу для дальнейших исследований.

В целом можно определенно утверждать, что рецензируемая работа обогатила отечественную ономастическую литературу и явилась не только теоретическим осмыслением уже существующих оно-

мастических лексикографических произведений, но и ценным практическим пособием для ономастов, лексикологов и составителей словарей и справочников. Особенно следует отметить тот факт, что красной нитью в исследовании В. Э. Сталтмане проходит мысль о важности фиксации живой народной речи, диалектных особенностей онимов, о важности их территориальной привязки. При анализе ономастических словарей автор в полной мере раскрывает историко-этимологическую и лингвогеографическую значимость собственных имен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
2. Roze L. Passaule vārdnīcas skatījumā. Rīgā, 1982.
3. Поротников П. Т. Материалы для словаря вариантов русских личных имен // Вопросы ономастики. Вып. 13. Свердловск, 1979.

Агеева Р. А.

Understanding the lexicon. Meaning, sense and world knowledge in lexical semantics / Ed. by Hüllen W. and Schulze R. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1988. 445 p.

Рецензируемое издание является значительным событием в мировой лексикологии и семасиологии: в нем предпринята попытка представить современное состояние науки в области изучения словарного состава языка. Книга включает 33 статьи, в основу которых положены доклады, прочитанные на конференции по проблемам лексической семантики в университете Эссена (ФРГ) 19—21 ноября 1987 г.

Как известно, вопрос о том, какое место в языкознании должна занимать наука о словарном составе языка и о значениях входящих в него единиц, был поставлен уже давно. В соответствии с этим авторы коллективной монографии видят свою задачу в том, чтобы охватить и проанализировать основные теории, подходы и принципы, связанные с изучением лексической семантики. Наряду с хорошо известными методами описания значения слова, — такими, как, например, теория словарного поля, структурная семантика, включающая компонентный анализ. Большое место в книге отводится новым направлениям, последовательно развивающим так называемый когнитивный подход.

Когнитивная семантика ставит во главу угла вопрос о том, каким образом те или

иные языковые явления связаны с отражаемой ими экстралингвистической реальностью и какова их роль в познании этой реальности. При этом единицы языка рассматриваются не как вполне самостоятельные изолированные сущности, взаимоопределяемые и взаимообусловленные в пределах данной семнологической системы, а как единицы словарного состава языка, обнаруживающие определенный смысл в речи, т. е. в том экстралингвистическом контексте, на фоне которого происходит общение.

Сосредоточивая внимание на изучении понятийных категорий, «ментальных» структур и отношений, которые можно обнаружить, обращаясь непосредственно к умственной деятельности людей, сторонники когнитивной семантики подвергают сомнению казалось бы твердо установившееся различие между семантикой как наукой, изучающей значение языковых единиц (т. е. слов и их эквивалентов), и энциклопедическим знанием (т. е. знанием о тех предметах или объектах, с которыми данные слова соотносятся). Все более обоснованным представляется отказ от принятого во время господства структурной лингвистики резкого проти-

вопоставления лексико-семантического и внеязыкового (экстралингвистического) знания. В результате все новые усилия направляются на то, чтобы описывать «семантические структуры» как производные от понятийных соотношений¹.

Проследивая пути развития лексической семантики в историческом аспекте, Д. Герэртс проводит параллель между когнитивной семантикой, ведущими представителями которой в США в настоящее время являются Дж. Лакофф и Р. Лангакер, и исторической семантикой доструктуралистического периода (с. 32). Основанием для такого сопоставления служит то, что новые направления — когнитивная лексикология и «номинативная» семантика — как и историческая семантика, исходят из обусловленности языка внеязыковой реальностью, т. е. из тесной взаимосвязи единиц языка и тех референтов или предметов, которые эти единицы призваны называть. Таким образом, «сигнификативная» структурная семантика уступает место «денотативной» («номинативной») семантике, изучающей словарный состав языка в плане того, как значение его единиц связано с экстралингвистической реальностью мира, в котором происходит общение. Автономистическому идеалу структурализма противопоставляется изучение психологической и прагматической направленности речи. Значение слова рассматривается уже не просто как сеть внутренних отношений тех или иных элементов в языке, а в связи с процессом познания мира, мыслительной деятельностью человека и его познавательными возможностями.

Когда мы говорим о когнитивной семантике и ее разновидностях как о новом направлении, мы имеем в виду именно зарубежное языковедение, поскольку для советского языковедения изначально было характерно признание отражательной природы слова, которое рассматривается как продукт и результат познавательной деятельности людей. Слово способно «непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного „участка“ („кусочка“) действительности и направляться (указывать) на эту последнюю; вследствие этого слово приобретает определенные лексические, или вещественные, свойства» [1]. В традиции отечественного языковедения слово изучается как основная единица языка, т. е. как та единица, которая впитала в себя свойственную данной этнической общности, данной нации картину мира. Сло-

во — это прежде всего архетип, возникший в истории развития данной национальной общности. Как указывал У. Вайнрайх, в советской науке лексикология занимает столь же большое и важное место, как фонология или грамматика [2]. В 60—80-е годы в советском языковедении были разработаны методы семиологического описания лексики, системного анализа компонентов семантической структуры слова и словарного состава языка в целом. Ономастическое изучение лексики значительно расширило область лексической семантики за счет разработки принципов и закономерностей «номинации», т. е. обозначения предметов и выражения понятий различными словообразовательными, стилистическими и фразеологическими средствами [3—7]. В последнее время получили развитие концепции, рассматривающие слово как единицу языка, лежащую в основе осуществления коммуникативной деятельности. Слово получает осмысление в определенном социалингвистическом контексте, в условиях данной культуры. Большое внимание уделяется и психолингвистическим проблемам семантики [8]. В семантических исследованиях разрабатывается вопрос о природе взаимосвязи предметно-понятийных обобщений, используемых в качестве внеязыкового фона, и тех лексических (словарных) оппозиций, которые реально выражены в данном конкретном языке и обусловлены историческим развитием данной национальной общности [9—11].

Если советские языковеды (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, А. И. Смирницкий) исходят из первичности отражательной природы отношений между словами и их «референтами», то в традиционной зарубежной структурной семантике слово не рассматривалось как соотношение факта языка и тех предметов, которые им обозначаются. То, что когнитивный подход восполняет сейчас этот пробел, опираясь на взаимосвязь языка и мышления, слова и понятия, изучение значения слова в контексте познавательной деятельности человека представляется чрезвычайно важным. Следует отметить также, что этот подход рассматривается в рецензируемом издании не в виде абстрактной терминологии или специфического метаязыка, а как направление, уже подтвердившее свою жизнеспособность на практике.

Уже в первом разделе книги Х. Геккелер привлекает внимание к развитию семантических исследований в Тюбингене на основе «лексематического» подхода (с. 11—19). Этот подход был разработан Косериу в начале шестидесятых годов, который и предложил термин «лексематика» с целью выделить особую раз-

¹ В то же время такая постановка вопроса вовсе не означает отождествления понятия значения слова и энциклопедического знания о том предмете, который это слово обозначает.

овидность структурной лексической семантики.

Лексематика тюрингенской школы возникла как синтез немецкой традиции в изучении словарного поля и теории европейского структурализма. Косериу определяет словарное поле как «парадигму» в пределах словарного состава языка, которая образуется противопоставлением значений слов на основе различительных признаков в плане содержания (content-differentiating features) [13, с. 294]. Понятие «различительных признаков» позволяет провести параллель (как это делает Х. Геккелер) между подобным анализом лексического значения слова и фонологической теорией Р. Якобсона (пражский структурализм). Основными элементами словарного поля, согласно Косериу, являются лексемы, архилексемы, измерения (или оси), устанавливающие «шкалу» оппозиций и являющиеся критерием лексического членения поля, семы и классемы.

Подобный анализ структурной компонентной семантики (в традиции Косериу) находится в центре внимания авторов рецензируемой книги, причем уже в самой первой статье отмечается, что многие участники конференции в Эссене видели свою задачу в том, чтобы критически оценить эту теорию. Оппонентами компонентного анализа являются такие направления, как семантика прототипа (Рош), семантика стереотипа (Путинзм), семантика архетипа (Вильдген), а также «scenes-and-frames semantics» Филлмора.

Последнее из перечисленных направлений представляет особый интерес, поскольку оно, согласно М. Посту (с. 39), непосредственно предшествует созданию когнитивной лингвистики. В теории Филлмора «scenes» — это «отрезки» или «части» внеязыковой реальности, которые в виде понятий или «концептуальных структур» запечатлены в сознании говорящего. Совокупность этих «отрезков», а также их ассоциативные противопоставления или оппозиции образуют понятийную картину мира, которая определенным образом членилась лексическими средствами языка. Согласно Филлмору, адекватное восприятие действительности требует воссоздания в сознании говорящего образа определенной ситуации («сцены») в виде понятия или представления о ней. Далее в силу вступают так называемые «frames», т. е. лексические ряды (lexical sets), члены которых непосредственно называют отдельные части понятийных структур («scenes»), соответствующих определенным «отрезкам» реальной действительности. В отличие от традиционной (в свете теории Трира) структуралистической теории словарного поля, рассматривающей значение слова как

производное от внутренних отношений между элементами системы, «scenes-and-frames semantics» исходит из того, что значение слова — это прежде всего «прототип», т. е. его основное номинативное значение, соотносящее данное слово с обозначаемым им предметом внеязыковой реальности. Следовательно, для адекватного описания значения слова требуется выяснение тех основных «типичных» условий речевой действительности, в которых данное слово может быть правильно употреблено. Семантический анализ, таким образом, непосредственно смыкается с нашим знанием о мире, с процессом познания внеязыковой реальности.

Другое направление, включающее анализ семантики слова на основе его определения («definitional semantics»), также выдвигает возражения против теории структурной семантики. Г. У. Боас отмечает, что сложное семантическое содержание, заложенное в слове, не может быть адекватно описано путем выделения минимальных лексических противопоставлений, с целью установить смысло-различительные признаки подобно тому, как это имеет место в фонологической теории. Для того чтобы понять значение слова, необходимо представить его описание посредством развернутого аналитического определения, вводящего данное слово в некоторый контекст понятий, являющийся частью опыта говорящего и его способности пользоваться языком.

«Номинативная семантика» («reference semantics»), о которой шла речь выше, противопоставляет традиционной структурной семантике, поскольку последняя не учитывает соотносительность слова и обозначаемого им предмета или референта, т. е. «отрезка» внеязыковой реальности. Как утверждает П. Бош, формалистические направления вообще избегают соприкосновения с данными эмпирического опыта, рассматривая формальную структуру как модель мира (с. 63). Достигается же эта формализация за счет отказа от рассмотрения функциональной стороны языка, т. е. его реального воплощения в речи. В противовес этому «номинативная семантика» как часть когнитивного подхода ставит во главу угла речепотребление, использование языка как средства общения.

Рассматривая соотношение словарного значения слова и его окказионального значения, возникающего в определенном контексте, П. Бош вводит термин «контекстуальное понятие» («contextual position»), который обосновывается им следующим образом. Когда говорящий, хорошо знающий язык, употребляет слово необычным образом для обозначения нового предмета или явления, он исходит из словарного значения этого слова,

а также из словарного значения других слов, окружающих его в высказывании, из знания ситуации и более широкого, предшествующего данному употреблению контекста, а также из представления говорящего об окружающем мире вообще. Эта последняя формула «знания» получает в теории Боша название «контекстуального понятия». Изучение природы лексического значения, согласно Бошу, должно опираться не только на абстрактные репрезентации, но и на опыт говорящего, на его знание внеязыковой реальности. «Контекстуальное понятие» — это отрезок опыта, обусловленный определенной ситуацией, с которым соотносятся те или иные лексические выражения. Наша способность пользоваться языком и воспринимать значения слов предлагает возможность не только связывать значения как таковые, но и соотносить слова с «отрезками» опыта, «контекстуальными понятиями», отражающими данную внеязыковую реальность. Таким образом, внимание вновь направляется на соотношение того, что непосредственно дано в языке, и экстралингвистической основы образования понятий, умственной деятельности человека.

Дихотомия, рассматриваемая нами до сих пор в рамках когнитивного подхода, — язык и внеязыковая реальность — должна быть дополнена понятием прагматики. Способность слова соотноситься с данным предметом или понятием и тем более его способность быть соотнесенным с новыми референтами следует рассматривать в свете прагматики речупотребления, т. е. того, как люди употребляют слова в речи. Эта проблема, согласно Р. Гейгеру, не может быть решена посредством семантических моделей: она требует переключения внимания с системных свойств языка на то, как язык используется в качестве средства общения (с. 86).

В то же время целый ряд статей и материалов рецензируемой книги является вкладом в развитие компонентного анализа как ведущего метода традиционный структурной семантики. Э. Шнайдер, в частности, обращается к анализу многозначного английского глагола *to consider*, семантика которого описывается на трех взаимосвязанных уровнях: 1) «семантических признаков» («semantic features») — мельчайших составляющих лексического значения слова, 2) «семем» («sememes»), т. е. «действительного» или «контекстуального значения» слова, воплощенного в речи, и 3) на уровне «обобщенного потенциального значения» («comprehensive potential meaning»), т. е. «семантемы» («semanteme»), объединяющей в себе всю совокупность семантических признаков, ассоциирующихся с данным словесным выражением. Мысль автора заключается

в том, что атомистическое расчленение слова на «компоненты» должно сопровождаться осмыслением обобщенного значения слова не только на основе синтеза семантических составляющих, но и с учетом функционирования слова в речи, разграничения «типичных» и специфических контекстов его употребления (с. 158).

Стремление использовать наше знание о мире характеризует и сопоставительные исследования в области лексической семантики. Несоответствие «лексических структур» («lexical structures») в разных языках обусловлено тем, что национальные языки по-разному «категоризируют» действительность и по-разному проводят разграничительные линии. В связи с этим большие трудности возникают при изучении иностранных языков, поскольку говорящие, как правило, исходят из предположения, что их родной язык имеет универсальную каноническую структуру, которая может быть перенесена на словарный состав изучаемого иностранного языка.

Большим достоинством рассматриваемой коллективной монографии является то, что целый ряд содержащихся в ней статей побуждает нас обратиться к единству теории и практики, в частности, к проблемам изучения и преподавания иностранных языков. Именно в таком ключе представлен в книге раздел, посвященный исследованию идиом. Идиома в широком смысле — это словосочетание, обнаруживающее в своем синтаксическом и семантическом строении специфические и неповторимые свойства данного языка. Поскольку большинство словосочетаний обнаруживает национальную специфику и в силу этого идиоматично, в языке не существует водораздела между идиомами и «свободными» сочетаниями, хотя и выделяется такое понятие, как идиомы в собственном смысле слова («idioms proper»). Идиоматичность — это «шкала» или некоторая последовательность единиц, которым данное свойство присуще в большей или меньшей степени. Именно так определяет идиоматичность («idiomaticity») Р. Глезер (с. 270).

Подытоживая сказанное, можно заключить, что рецензируемое издание открывает новую страницу в развитии лексической семантики. Расширяются границы этой области, и в поле зрения исследователей вовлекаются все новые объекты, обладающие значением. Представление о том, что не все типы значений интересны для изучения, пересматривается, в соответствии с чем исследованию подлежат не только сигнификативное значение, но и значение денотативное. Словарный состав языка и значения входящих в него слов описываются, таким образом, с учетом конкретного соотношения слова с данным референтом.

И, наконец, наиболее значимым моментом, как это убедительно показано в книге, является то, что, хотя теория семантического анализа исходит из разграничения собственно языковых фактов и энциклопедического описания обозначаемых ими объектов, эти две сферы исследования пересекаются, между ними обнаруживаются точки соприкосновения. Семантический анализ не может игнорировать «знание о мире», он не должен замыкаться в самом себе. Сведения об употреблении слов в речи, их конкретной соотнесенности с референтами позволяют в полной мере осмыслить их лингвистическое содержание. Последнее же есть не что иное, как интуитивное знание (понимание) данного слова говорящим, способность правильно использовать его в речи как семантически цельную и функционально обусловленную единицу данного языка.

Кроме выводов общего характера, рассматриваемая коллективная монография обогащает наше представление о многих более конкретных вопросах лексической семантики. Интересный материал представлен, в частности, в области словообразования. Производные слова и сочетания располагаются цепочкой, на одном конце которой находятся вполне лексикализованные единицы — обозначения объектов внеязыковой реальности, требующих отдельных наименований, а на другом — синтаксические образования, реализующие продуктивность данного словообразовательного правила. В соответствии с этим различаются лексикализованные соединения, т. е. наименования («labels»), и то, что получает в статье Д. Кастовского название «синтаксической декатегоризации» («syntactic recategorization»), посредством которой возникают новые слова (глаголы, прилагательные, существительные) путем перевода данной основы по конверсии или с помощью аффиксации в другую парадигму или «категорию» (с. 200).

Чем больше мы вчитываемся в статьи, составляющие рецензируемую монографию, тем яснее понимаем, что каждая из них заслуживает отдельной рецензии. Темы работ весьма разнообразны, однако их все удалось творчески объединить в одной книге. И в этом большое достоинство редакторов рецензируемого издания.

Книга обобщает широкий круг вопросов лексической семантики; в то же время она дает читателю представление о разнообразии подходов и направлений, о борьбе старого и нового, а также о результатах этой борьбы. Если до сих пор в семантической теории структуралистической ориентации господствовала дихотомия — собственно языковые явле-

ния vs. внеязыковая реальность, то сейчас все более прочно в зарубежных исследованиях утверждается мысль о производности языкового значения, обусловленности его познавательной деятельностью людей, когнитивными процессами, понятиями, в которых запечатлена определенная картина мира.

Результатом развития когнитивного подхода, включающего в поле зрения лексикологов, семасиологов и лексикографов фоновые и энциклопедические знания, явилось возникновение целого ряда новых направлений и методов в исследовании как более общих, так и вполне конкретных проблем лексической семантики. Так, например, в контрастивной (сопоставительной) лексикологии возник социо семиотический подход («cross-cultural lexicology»), преодолевающий границы, отделяющие друг от друга исторически сложившиеся общности людей, которые характеризуются различием собственных им культур.

Следует отметить, однако, что не все разделы книги одинаково полно отражают сложность поставленных проблем. Так, вопросы, требующие скрупулезного анализа языковых фактов (идиомы и понятие «идиоматичности», продуктивное словообразование как творческий процесс), освещаются лишь в немногих статьях, в то время как значительная часть работ общетеоретического характера носит обзорный характер. Это создает впечатление некоторой декларативности отдельных положений. Хотелось бы также, чтобы те фоновые и энциклопедические знания, которые в рамках когнитивного подхода обеспечивают адекватность семантического анализа, более полно и развернуто фиксировались в ходе этого анализа. Нередко такого рода сведения выносятся за пределы собственно семантического исследования, принимаются как заранее данное, как нечто хорошо всем известное. Это, безусловно, показывает, что идеи когнитивной семантики еще далеко не полностью воплотились на практике. Ведь «фоновые знания», то, что составляет «опыт» говорящего, типичные характеристики категорий явлений и ситуаций на основе понятий прототипа и стереотипа, являющиеся неотъемлемой частью овладения языком, познания его специфических национальных особенностей и приобретают огромное значение при изучении иностранных языков. Вызывает сожаление также и то, что работы советских языковедов по-прежнему остаются практически неизвестными зарубежной аудитории.

Высказанные соображения могут рассматриваться как пожелания в отношении некоторых аспектов осуществления когнитивного подхода в изучении лек-

сической семантики. Есть все основания полагать, что материалы конференции в университете Эссена, содержащиеся в рецензируемом издании, представят большой интерес для лексикологов и лексикографов, семасиологов, а также для широкого круга языковедов, направляющих свои усилия на повышение общего уровня языковедческой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азжанова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1968. С. 422.
2. Weinreich U. Soviet and East European linguistics // Current trends in linguistics. Lexicology / Ed. by Sebeok Th. A. The Hague, 1963.
3. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
4. Комалев Н. Г. Компоненты содер-

- жательной структуры слова. М., 1969
5. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.
6. Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.
7. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
8. Леонтьев А. А. Значение как общенаучная категория // Психологические проблемы семантики. М., 1983.
9. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
10. Азжанова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
11. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
12. Coseriu E. Lexikalische Solidaritäten // Poetica. 1967. 1.

Гвишиани Н. Б.

Смирницкая С. В. Ареальная специфика рейнско-мозельского региона. Л.: Наука, 1988, 190 с.

Рецензируемая книга открывает серию «Романо-германская контактная зона», которая будет включать в себя ряд монографий, посвященных анализу языковых ситуаций в романо-германских пограничных зонах Западной Европы — в Швейцарии, Люксембурге, Бельгии, Эльзасе (Франция). Эти монографии, над которыми работают научные сотрудники Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальной лингвистики ЛО Института языкознания АН СССР (редактор серии А. И. Домашнев), объединены общностью замысла и задач. С другой стороны, каждая из них имеет самостоятельное научное значение. В работе С. В. Смирницкой заложен историко-лингвистический фундамент всей серии, показаны пути формирования романо-германской контактной зоны.

Обращение исследовательницы к западносреднегерманской (рейнско-мозельской) области не случайно. Именно этот ареал стал очагом зарождения и последующего развития языка немецкой народности, плацдармом смешения и взаимодействия языковых черт северо-западного (франкско-саксонского) и юго-восточного (алеманнско-баварского) регионов. Кроме того, здесь в наибольшей степени проявилось влияние романских диалектов. Диалектные особенности данной зоны изучаются в динамике; автор стремится воссоздать картину формирования языковых черт, характерных для рассматриваемого диалектного ареала,

восстановить более чем тысячелетнюю историю лингвистических взаимодействий рейнско-мозельских франков с их северными и южными соседями. Материалом для исследования послужили сведения, содержащиеся в исторических, этнографических и лингвистических атласах (всего в работе использовано 12 атласов), а также в многочисленных диалектных описаниях. Основным методом работы является анализ изоглосс, причем ареальное распространение отдельных явлений позволяет судить об их временной последовательности. Кроме того, учитываются и факты исторической географии в политическом и этнолингвистическом аспектах.

Важное значение в таком исследовании имеет не только выявление границ определенных языковых черт, но и оценка этих границ. В книге предлагается «послойный» анализ, при котором выделяются отдельные временные пласты. Таким образом, современное диалектное членение рассматривается как следствие нескольких процессов, которые могут относиться к разным периодам. Исходный, франкский, диалектный ареал, по словам С. В. Смирницкой, «как бы просвечивает» сквозь более поздние наслоения (с. 169). Автор выделяет три основных типа изоглосс: вертикальное, горизонтальное и промежуточные. Первые противопоставляют западные регионы рейнско-мозельской зоны восточным и очерчивают область, характеризующуюся ингвеонско-истеонскими признаками, релевантными